

— Она... — Эван слегка заколебался. — Она не сказала, зачем пришла?

Вопрос Эвана разрядил напряжённую атмосферу, и Томас вздохнул с облегчением. Он уже хотел ответить, но герцог Уилсон опередил его.

— Не стоит больше спрашивать. Просто отправьте её прочь. Разве Джонсон, совершив такие поступки, может просить прощения у пастора?

Герцог высказался прямо, с явным пренебрежением.

Эван нахмурился. Такая реакция герцога была естественной, но он чувствовал, что что-то не так.

— Ваша светлость, — Эван решил сначала успокоить герцога. — Миссис Джонсон не сделала ничего плохого. Если она ищет помощи у Господа, я не должен отказывать ей. Пусть войдёт.

Эван полулёжал на подушках, неудобная поза причиняла ему дискомфорт.

Герцог посмотрел на Эвана с неодобрением, но в его глазах читалась лёгкая беспомощность.

— Пастор, вы слишком добры. Именно поэтому такие люди пользуются вашей добротой.

В голосе герцога прозвучала лёгкая теплота, которую Эван не упустил.

На губах Эвана мелькнула едва заметная улыбка. Он слегка опустил голову и мягко сказал:

— Вы слишком добры. Пусть миссис Джонсон войдёт. У меня тоже есть вопросы к ней.

Услышав это, герцог кивнул с пониманием. Мистер Джонсон совершил столько проступков, и Эван должен был дать отчёт церкви. А человек, знающий об этом больше всех, — это миссис Джонсон.

— Хорошо, пусть войдёт. — Герцог холодно посмотрел на Томаса.

Томас вздрогнул и поспешно поклонился:

— Слушаюсь.

После ухода Томаса атмосфера между Эваном и герцогом стала немного напряжённой.

— Что вы думаете о визите миссис Джонсон? — первым заговорил герцог.

Эван слегка нахмурился и тихо ответил:

— Миссис Джонсон всегда была близка с мистером Джонсоном. После его самоубийства это

стало трагедией для неё. Наверное, она ищет помощи у Господа.

Эван говорил осторожно, но герцог не скрывал своего презрения:

— Ваши представления о человеческой природе слишком наивны. Хотя Джонсоны казались близки, насколько я знаю, мистер Джонсон давно завёл любовницу на стороне, а миссис Джонсон тоже не ангел. Они лишь притворялись счастливой парой.

Эван впервые услышал об этом и был искренне удивлён.

— Как такое возможно? Это просто... — Эван сделал вид, что ему трудно продолжать.

Герцог, видя его реакцию, смягчился и тихо сказал:

— Вам, как человеку чистому, невозможно понять его грязную душу. Пастор Брюс, я надеюсь, что в разговоре с миссис Джонсон вы не попадёте на её уловки. Вы, будучи честным человеком, не сможете противостоять этим отвратительным демонам.

Эван едва сдержал смех. Это был первый раз, когда его назвали честным человеком...

Он слегка сжал губы, собираясь что-то сказать, как вдруг услышал, что миссис Джонсон прибыла.

Эван насторожился и поднял голову.

У входа стояла женщина лет тридцати, с мягкими чертами лица и изящной внешностью. Она была одета в светло-фиолетовое платье, скромное и элегантное.

Она вошла вслед за слугой, подошла к герцогу на расстояние пяти шагов, приподняла край платья и сделала реверанс, мягко произнеся:

— Ваша светлость.

Герцог холодно посмотрел на женщину, с явным отвращением приподнял уголок рта и наконец снизошёл до того, чтобы жестом разрешить ей встать.

Эван, наблюдая за этой сценой, слегка опустил голову. Социальная иерархия в этом мире была настолько явной, что ему нужно было ухватиться за всё, что могло помочь ему подняться на вершину.

— Зачем вы пришли? — голос герцога звучал холодно.

Миссис Джонсон сохраняла спокойствие. Она прямо посмотрела на Эвана, полулежащего на кровати, и мягко сказала:

— Ваша светлость, я пришла к пастору.

Её манера была почтительной, но в голосе не было ни капли покорности, скорее даже настойчивость.

Герцог нахмурился, и его взгляд стал ещё холоднее.

— Пастор серьёзно ранен. Если вам есть что сказать, говорите быстро.

Миссис Джонсон на мгновение растерялась, но затем сказала:

— Я хотела бы поговорить с пастором наедине. Мне нужно исповедаться.

Эти слова заставили герцога замолчать. В конце концов, миссис Джонсон была христианкой, и у неё было на это право.

Герцог взглянул на Эван и заметил, что тот задумчиво выпрямился, глядя в пустоту.

Герцог не мог понять, что думает Эван, и только тихо спросил:

— Пастор Брюс, вы сможете выдержать это?

Эван словно очнулся и поднял голову. В его глазах мелькнула решимость, и он кивнул:

— Конечно, смогу. Благодарю за вашу заботу.

Герцог ожидал такого ответа и лишь с лёгкой досадой кивнул:

— Хорошо, но если вам станет плохо, сразу позовите меня. — Убедившись, что Эван согласился, герцог вышел из комнаты.

После ухода герцога миссис Джонсон подошла к кровати Эвана. Её лицо было настолько мягким, что иногда его даже не замечали.

Эван был одним из таких людей. Хотя он и раньше видел миссис Джонсон, но в основном издали, и это был первый раз, когда он так ясно разглядел её черты.

— Пастор, — миссис Джонсон изящно сняла перчатки и села на стул у кровати. — Что вы думаете о смерти моего мужа?

Эван насторожился. Она сказала «смерть», а не «самоубийство».

— Это ужасная трагедия, — Эван сохранял сострадательное выражение лица. — Примите мои соболезнования.

На лице миссис Джонсон не было и следа печали. Она спокойно смотрела на Эвана, и в её глазах читалась почти ледяная решимость.

— Вы — пастор. — Миссис Джонсон произнесла это тихо. — Я слышала от инспектора Чендлера об обвинениях в адрес моего мужа. Его поступки не удивляют меня.

Эван с удивлением посмотрел на неё. Для женщины её времени было необычно так откровенно говорить о семейных скандалах.

Эван благоразумно промолчал.

Миссис Джонсон не собиралась останавливаться и продолжила:

— Я знаю своего мужа лучше, чем кто-либо. Он был жадным, тщеславным, любил притворяться и играть в умника. Он был самым испорченным джентльменом, которого я когда-либо встречала. — Она сделала паузу. — Хотя теперь я даже не уверена, могу ли я называть его джентльменом.

Эван смущённо опустил голову. Когда женщина говорит о своём муже в таком ключе, это всегда вызывает неловкость.

Миссис Джонсон, видя его реакцию, усмехнулась:

— Вы думаете, я сошла с ума?

Эван сдержанно кашлянул и выдавил натянутую улыбку.

Миссис Джонсон не стала настаивать и продолжила:

— Может, и так. Многие считают меня сумасшедшей. — Она горько усмехнулась.

— Мой муж, несмотря на все свои недостатки, — её выражение лица внезапно стало серьёзным, — но я могу сказать вам, что человек, столь подлый, эгоистичный и бесчестный, никогда не покончил бы с собой.

Её слова прозвучали с такой серьёзностью и холодностью, что Эван замер.

Он никогда не слышал столь ядовитого свидетельства.

<http://bllate.org/book/15268/1347576>